

О некоторых понятиях культурно-исторической психологии в современном контексте

А.И. Назаров

Ранее непубликовавшийся вариант статьи, написанный в 1995 г. после редактирования книги Д. Верча «Голоса разума». Название книги обсуждается в контексте понимания соотношения между сознанием и разумом в отечественной психологии советского периода. Ставится вопрос о соотношении понятий непосредственного и опосредованного действия в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Формулируется тезис о переходе опосредованных ВПФ в непосредственные, когда их формирование закончилось и они функционируют как средства оперирования сложившимся опытом индивида.

Ключевые слова: сознание, разум, непосредственное и опосредованное, высшие психические функции.

Монография Д. Верча не только ретроспективна. Будущую перспективу учений Бахтина и Выготского он связывает с преодолением монодисциплинарного изоляционизма и разработкой проблемы множественности медиаторов – средств, опосредующих формирование высших психических функций (ВПФ). Одним из примеров реализации такой перспективы является экспериментальное исследование, проведенное Д. Верчем в ряде общеобразовательных школ США. Мне видятся и некоторые другие перспективы, обсуждение которых представляется наиболее уместным в контексте книги Д. Верча о говорящем разуме.

У российского (вернее, постсоветского) читателя может возникнуть сразу два вопроса: почему "о говорящем" и почему "о разуме"? И даже не почему, а вообще – что это такое? Д. Верч, разъясняя суть социокультурного метода в виде ответов на возможные "почему", даже не ставит вопроса о разуме: для него, как и для подавляющего большинства западных гуманитариев, ответ очевиден. Мы же привыкли говорить о фундаментальных психологических категориях (деятельности, сознании, личности) так, как если бы в них вовсе не содержалось разума. Уже в работах Л.С. Выготского это понятие встречается крайне редко: он предпочитал говорить о психике, сознании, ВПФ, их социальной природе. Очень трудно найти какие-либо не то что суждения, но хотя бы упоминания о разуме в нашей психологической литературе послевоенного периода. А может быть разум – это сфера философии, а не психологии? Но и в философии о нем упоминалось либо в историческом контексте, либо в связи с критикой "идеализма" и новейших течений "буржуазной" мысли. В позитивных же изложениях основ диалектического материализма место разума было весьма скромным: высшей формой развития материи признавалось сознание. Интересно, что для психологов сознание было также предельно высокой категорией, причем его определение мало чем отличалось от философского. Такое всеобщее отречение от разума было не случайным. Оно явилось следствием радикальной коммунистической идеологии с ее мощным репрессивным аппаратом. Для нее понятие сознания, конечно, в его единственно верной материалистической трактовке, оказалось очень удобным. Сознание (плохое или хорошее, а лучше всего – среднее, одинаковое для всех) есть у каждого человека, тогда как разумом обладают далеко не все, да и хлопот с ним не оберешься. Сознанием, которое вторично по отношению к бытию, легко управлять; в него можно вложить все, что угодно; его легко контролировать. К тому же сознательный человек – это свободный человек, потому что свобода – это осознанная (пусть даже не познанная) необходимость. Для партийного функционера сознание (при определенных условиях) – это средство овладения и полного порабощения субъекта. Другое дело – разум; он изначально сво-

боден, не ограничен идеологическими рамками, непредсказуем и неконтролируем, а "это нам не подходит", как обычно говорили партийные функционеры.

Для психолога сознание является одной из ключевых функций психики: через сознание приобретаются и реализуются все интеллектуальные ресурсы человека. Поэтому, несмотря на критику "психологии сознания" и всевозможных "идеалистических его толкований", сознание продолжало оставаться одним из фундаментальных понятий марксистской психологии. При этом, к нему стали относить все, что раньше связывали с другими понятиями, и в частности, с понятием разума. "Сознательный гражданин" – это человек в меру образованный, законопослушный, примерный семьянин, активист и, как правило, член КПСС. Сознание, помимо своих психологических аспектов, приобрело аспекты идеологические, обязательные для всякой его концепции. В этом состоял молчаливый компромисс между учеными, так или иначе затрагивавшими проблемы сознания, и радикальной коммунистической идеологией с ее чисто прагматическим подходом к сознанию. В результате понятие разума было вытеснено из психологического лексикона. Развод между сознанием и разумом, немислимый в Западной культуре по сей день, произошел у нас, в России, после величайшей социальной трагедии. И теперь, пресытившись безразумным сознанием, мы начинаем обретать разум. Поэтому книга Д. Верча о разуме, тем более говорящем, а не безмолвном, абсолютном, для нас представляет несомненный интерес. Из множества затронутых в ней проблем мы остановимся на некоторых, восходящих к недавнему прошлому отечественной психологии и становящихся очень актуальными в современной зарубежной психологии. Когда старые проблемы появляются в новом временном контексте, они и выглядят иначе и требуют другого осмысления. Именно последнее мы выносим на суд читателя.

* * *

Разум (mind) – более широкое понятие, чем сознание (consciousness). Не претендуя на строгие определения, укажем на некоторые существенные признаки того и другого. Разум – это целостная система воззрений на мир, основанная на восприятии мира, знаниях о нем и деятельности в нем. Знания образуют устойчивую, статическую компоненту разума, раскрывая его историю, настоящее и намечая будущие перспективы. Восприятие мира и деятельность в нем образуют динамическую компоненту, являясь источником движения разума (как в сторону регресса, так и в сторону прогресса, что зависит от состояния мира в целом). Движение разума возможно только посредством деятельности индивида; разум не может изменить свое состояние, не проникнув в индивидуальное сознание и не побудив индивида к деятельности в мире. Самодвижение и саморазвитие разума – это иллюзия, возникающая при рассмотрении его как самостоятельной сущности, в отрыве от той среды, в которой он существует. Говоря о движении разума через деятельность индивида, мы имеем в виду, конечно, не изолированного субъекта (типа Диогена, живущего в бочке), а индивида как составную часть коллектива людей – от малого до всемирного.

Разумом обладают не только индивиды, но и коллективы людей. Коллективный, или, как говорит Д. Верч, социально распределенный разум является первичным по отношению к индивидуальному и отличается не только своим объемом (гораздо большим, чем у индивидуального разума), но и качественно, то есть своим содержанием. Коллективный и индивидуальный разум, непрерывно взаимодействуя друг с другом, находятся в состоянии динамического равновесия, в которое они приходят после окончания возобновляющихся переходных процессов – приобретения или создания новых знаний. Существуют не только межиндивидуальные, но и межколлективные различия в разуме. Последний, таким образом, есть явление неоднородное (гетерогенное). Отсюда становится понятной гетерогенность голосов разума, то есть тех речевых форм, в которых он находит свое выражение; именно об этой гетерогенности рассказывает Д. Верч.

Сознание, как и многие другие предельно широкие понятия, строго определить трудно. Его природа сложна и запутана. Вместе с тем, назначение сознания чрезвычайно просто: оно служит для произвольной фиксации, усиления и оперирования внутренним

опытом субъекта. Конечно, некоторые фрагменты могут входить в сознание произвольно (сильные ощущения, аффективные переживания, навязчивые идеи и т.п.), но с точки зрения ВПФ наиболее важным является именно произвольное включение фрагмента в сферу сознания. Фиксация фрагмента – необходимое условие дальнейшего оперирования с ним; она позволяет ввести фрагмент в субъективные пространство и время, изъять его из огромного и непрерывно меняющегося потока внешних событий. Событие, фиксируемое в сознании, становится не копией внешнего, подчиняющегося логике физического пространства и времени, а внутренним, подчиняющимся логике хронотопа, где время течет неравномерно и не только вперед, но и назад, а пространство полимодально, анизотропно и колеблется "как паутина на ветру" (Н.А. Бернштейн). Усиление фрагмента аналогично подчеркиванию контраста, то есть выделению его в контексте всего осознаваемого содержания. При этом, усиление происходит по всем параметрам – модальным, аффективным, концептуальным. Преобразованный таким образом (то есть зафиксированный и усиленный) фрагмент становится предметом оперирования, манипулирования во внутреннем или внешнем действии: содержание фрагмента перетекает в действие (или его квант), а последнее передает фрагменту подтверждение о реализации или необходимости модификации его содержания.

Перечисленные функции сознания не самоцельны. Они формируются в деятельности субъекта и обслуживают эту деятельность, превращая сознание в одно из ее мощных внутренних средств (медиаторов). Отсюда – прочная связь сознания с деятельностью, подробно исследованная в работах А.Н. Леонтьева и его школы. Содержание сознания существенно зависит от содержания деятельности и условий ее реализации. Это не только альфа, но, к сожалению, и омега леонтьевской теории сознания. К сожалению, потому что деятельность не является единственной детерминантой сознания ни с генетической, ни с функциональной точки зрения. В сознание индивида могут (в том числе и произвольно) входить такие фрагменты внутреннего опыта, которые не имеют никакого отношения к объективному содержанию деятельности и ее объективно заданным целям, причем именно эти фрагменты являются важными для субъекта. Одна и та же деятельность, выполняемая разными субъектами и приводящая к одному и тому же результату, может иметь разные мотивы и цели, привносимые субъектом по соображениям, не вытекающим из содержания деятельности. Внешне заданная деятельность используется субъектом для достижения своих, внутренне генерируемых целей. Об этом говорил А.Н. Леонтьев, определяя смысл деятельности как отношение мотива к цели. Таким образом, психологические спутники деятельности (мотив, смысл, эмоциональность) могут предвещать ее и в этом отношении быть от нее независимыми. Но откуда же они берутся? Если не из данной, то может быть из прошлой деятельности? Ссылка на дурную генетическую бесконечность, конечно, неуязвима. Но есть другой ответ, правда с привлечением тех понятий, которые были исключены из теории сознания и деятельности: мотивационные, смысловые и эмоциональные составляющие сознания образуются обращением к нему разума индивида, создающего тот психологический контекст, в котором реализуется деятельность. Сознание скреплено с деятельностью лишь частично. Его другой жизненный канал впадает в разум, который оплодотворяет порождаемую индивидом деятельность общечеловеческими ценностями. Перекрытие этого канала (в результате естественной болезни или болезни общества) при полной сохранности сознания приводит к деградации индивида – вначале интеллектуальной, а затем и к нервно-психической, в чем мы могли убедиться на множестве примеров коммунистических вождей и их верных слуг.

Сознание, в отличие от разума, – явление сугубо индивидуальное. Так называемое общественное сознание – изобретение коммунистической идеологии, отрекшейся от разума. Общество не нуждается в отдельном, внеиндивидуальном сознании, ибо оно генерирует свои цели и реализует их только через деятельности индивидов. Общество недеятельно, мертво без деятельности индивидов; оно не может действовать само по себе. Жупел общественного сознания был создан для того, чтобы иметь внесубъектную норму

(эталон) индивидуального сознания, которое должно было ее отражать (проще говоря, копировать) и ничего более. Не нужно было трудиться над формированием своего сознания в процессе разумной деятельности; достаточно было выучить уставы (пионерской организации, ВЛКСМ, КПСС), моральный кодекс строителя коммунизма и т.п., чтобы стать «полноценным, сознательным членом общества».

Мы не противопоставляем разум сознанию. Мы просто фиксируем те различия между ними, которые обнаруживались в недавней человеческой истории. В более благополучных обществах вопрос о таких различиях еще не стоит, и эти понятия часто используются как синонимы. Тем не менее, осознание их различий и понимание принципов взаимодействия между разумом и сознанием становится актуальным и необходимым. Дело в том, что нарушения такого взаимодействия многообразны. Советская идеология – только один из примеров, ставший реальностью. Симптомы отрыва сознания от разума все чаще наблюдаются в различных сферах человеческой деятельности. Но ведь забвение разума – это начало психического безумия. И нужно ли нам от психотерапии индивида идти к психотерапии общества? Такова задача на смысл, которую ставит перед нами еще живой разум.

* * *

В книге Д. Верча говорится не столько о разуме *per se* (это скорее философская тема), сколько о речевых средствах, или медиаторах, с помощью которых он выражается в деятельности субъекта. "Индивид, действующий при помощи медиаторов" – центральное понятие в методологическом аппарате Д. Верча. Оно творчески заимствовано из работ наших психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия и их последователей. Вместе с тем, он привносит в него свой смысл, представляющий для нас несомненный интерес. Этот смысл отражен в четырех тезисах, на которых мы остановимся подробнее.

1. *В понятии "индивид, действующий с помощью медиаторов" ни один из элементов нельзя отделить от другого, разве только в бесплодной абстракции.* С этим понятием Д. Верч связывает свою надежду на преодоление дисциплинарной раздробленности в исследованиях человеческой деятельности, когда индивид изучается отдельно и как самостоятельное образование ("образ одиночного я"), действие – тоже отдельно, а речь (семиотический медиатор действия) – как предмет лингвистики, абстрагирующей от ее содержания, от того, кому она принадлежит ("Кто говорит?", по М. Бахтину), кому она адресована и в каком контексте произнесена. Потребность в единицах анализа психики, сохраняющих свойства целого, не разрушающих его живое единство, осознана уже давно и многими психологами. Но одно только осознание ситуации не способно изменить ее. Вряд ли ее можно изменить с помощью понятия или даже целой системы понятий, какой бы интегрирующей способностью они не обладали. Дифференциация и сверхдифференциация науки – естественный и необходимый процесс, который будет продолжаться помимо воли ученых до тех пор, пока в ней не возникнет новое интегральное начало, принципиально новая проблема с новыми методами ее решения, своего рода новый гештальт, от которого возьмет старт новый виток дифференциации. Наука интегральна только в своем начале, вернее в начале своей очередной парадигмы, которая по мере ее разработки рассыпается фейерверком сгорающих огней. Появление новой парадигмы аналогично стадии инсайта в творческом процессе: он наступает в результате усердной работы, но никому не дано знать, когда он наступит и что именно для этого нужно сделать. Индивидуальный разум только тогда сможет выдвинуть новую парадигму в науке, когда он вберет в себя адекватную для нее часть коллективного разума: какова же эта часть по своему объему и содержанию, - об этом можно судить только *post factum*.

2. *Индивида нельзя рассматривать как "одиночное Я", отторгнутое от социального окружения.* Нам хорошо знаком и понятен этот тезис, но, к сожалению, в его абсолютно-коллективистской трактовке. Д. Верч обращается к социальной природе "Я" в противовес индивидуалистической ориентации западной культуры. Радикальные коммунисты

видят в социальном "Я" всю его сущность, отвергая индивидуальность как социальный фактор и допуская ее лишь как второстепенный психологический фон.

Конечно, реально отделение совокупного "Я" от социального окружения невозможно. В идеальном плане оно возможно, но либо как временное состояние, либо как заблуждение. Это заблуждение реализуется в деятельности индивида отнюдь не иллюзорными средствами, а теми, которыми он овладел в реальном взаимодействии с окружающей средой. Раскольников, придя к мысли о своей полной свободе и независимости, убивает старушку не в своем сознании, а орудя настоящим топором. Тем не менее, отделение "Я" от социума (формирование образа "Я" и "Сверх-Я") в идеальном плане необходимо, но лишь как промежуточное, а не конечное звено в замкнутом цикле взаимодействия между индивидом и обществом. Образу одиночного "Я", возникающему в результате ограниченности индивидуального разума и усиленного работой сознания, противостоит норма – образ коллективного "Я", в том смысле, что в сознании субъекта, разграничивающего "Я" от "не-Я", сохраняется относительность, условность такого разделения, знание о том, что "Я" (со всеми его сверх-этажами) – часть неразрывного целого. Это знание не появляется автоматически, с первыми актами сознания и самосознания. Напротив, молодое сознание работает против исходного единства, усиливает впервые обнаруженную возможность "парения над миром", проявляясь вначале в отдельных выпадах против еще вчера обожаемых друзей, родителей и даже самого недавнего "Я" ("О, как я был глуп"...), и вырастая постепенно в антисоциальное поведение. Возврат к единству возможен лишь через расширение границ индивидуального разума, приобретение соответствующих гуманитарных знаний, раскрывающих действительное положение дел и имеющих в своей основе понятие об абсолютном единстве мироздания. Это могут быть не обязательно научные знания. Иногда достаточно искренней веры, в разных ее модификациях. Важно, чтобы эти знания предшествовали той роковой случайности, которая будет зафиксирована сознанием и превращена индивидуальным разумом в норму поведения.

Крайний индивидуализм – такая же болезнь разума, как и крайний коллективизм, отрицание относительной самостоятельности "Я" в пользу беспрекословного, абсолютно авторитета коллективного разума. Нам хорошо знакома эта болезнь. Но не следует думать, что здоровье находится между двумя болезнями, оно – в излечении от них. Другими словами, истина – не между Западным индивидуализмом и Восточным коллективизмом, она – вне их обоих. Динамика взаимодействия между личностью и обществом, представленная в сознании индивида, состоит (по крайней мере, в норме) из непрерывного чередования полных погружений в "Я" и выходов из него в окружающий мир. Взаимообусловленность, единство "Я" и "не-Я" открываются только разуму, который в своем коллективном модусе существования приобретает независимость от сознания индивида и поэтому освобождается от его иллюзий. Образ "одиночного Я" – естественное преходящее состояние сознания. Оно может превратиться в перманентное только при отрыве от разума, что бывает как при душевных болезнях индивида, так и при болезнях общества.

3. *Действие опосредовано внешними и внутренними средствами, или медиаторами.* Вклад Д. Верча в разработку этого также хорошо известного нам тезиса связан с его представлениями о медиаторах, которые мы рассмотрим позднее. Сейчас остановимся на понятии действия и его опосредованной природы.

Прежде всего отметим характерное для англо-американской психологии и других гуманитарных дисциплин отсутствие четкого разграничения между такими терминами, как активность (activity), поведение (behavior), деятельность (performance), и действие (action, agency; английское agency имеет два значения: действие и средство). Все четыре термина часто употребляются как синонимы. Понятие операции как составной части действия вообще отсутствует. В разных местах Д. Верч использует термины action и performance, имея в виду отдельное действие (например, речевое высказывание) в том смысле, в каком этот термин был определен А.Н. Леонтьевым.

Рассуждения Д. Верча об опосредованной природе действия в основном воспроизводят аргументацию Л.С. Выготского; поэтому сказанное ниже будет относиться не столько к конкретному воплощению идеи опосредования, сколько к ее существу. Д.Верч дает прекрасный повод для того, чтобы еще раз обратиться к истокам учения, долгое время определявшего главное направление развития отечественной психологии.

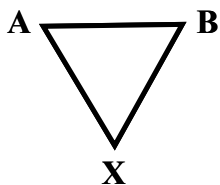


Рис.1. Треугольник, иллюстрирующий суть инструментального метода (Выготский, 1982, с.104)

Суть идеи опосредования изложена Л.С. Выготским в его тезисах "Инструментальный метод в психологии". Поясняя отношение между естественными (натуральными) и искусственными (инструментальными) формами поведения, Л.С. Выготский изображает его в виде известного треугольника (рис. 1). "При естественном запоминании устанавливается прямая... связь А-В между двумя стимулами А и В; при искусственном мнемотехническом запоминании... с помощью психологического орудия Х (узелок на платке, мнемическая схема) вместо этой прямой связи А-В устанавливаются две новые: А-Х и Х-В; каждая из них является таким же естественным... процессом..., как и связь А-В; новым, искусственным, инструментальным является факт замещения одной связи А-В двумя: А-Х и Х-В, - ведущими к тому же результату, но другим путем..." [2, с.104]. К этому, конечно, следует добавить, что благодаря опосредующему элементу Х возможно образование таких связей между А и В, для которых нет естественных аналогов.

Выготский считал, что все высшие (ненатуральные, искусственные) психические функции являются по своей природе опосредованными. Это положение разрабатывалось им в контексте генетических исследований, то есть в плоскости формирования ВПФ в деятельности ребенка и взрослого человека. Оставив в стороне более общую проблему соотношения категорий непосредственного и опосредствованного, он ограничился только одним, причем не самым важным и удачным ее аспектом - возможностью редукции искусственных связей к натуральным.

"7. Искусственные (инструментальные) акты не следует представлять себе как сверхъестественные или надъестественные, строящиеся по каким-то новым, особым законам. Искусственные акты суть те же естественные, они могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним, как любая машина (или техническое орудие) может быть без остатка разложена на систему естественных сил и процессов". [там же]. К счастью, ни Л.С. Выготский, ни его последователи таким редукционизмом не занимались. Более того, вопрос о качественном своеобразии ВПФ и специфике их взаимоотношений с натуральными функциями подробно и весьма плодотворно изучался в работах А.Н. Леонтьева с его сотрудниками. Но при этом генетический аспект всегда оставался доминирующим, если не сказать сильнее – единственным. Постгенетический этап функционирования психики, ее жизнь в настоящем оставались вне зоны ближайшего и даже отдаленного развития генетического метода. Между тем, распространение принципа опосредования на функционирование уже сформировавшихся процессов требует известной осторожности и едва ли может быть выполнено корректно без учета специфики соотношения непосредственного и опосредствованного в сфере психических явлений.

Даже если ограничиться треугольником Л.С. Выготского, моделирующим связи между элементами отдельного действия, то едва ли можно безоговорочно согласиться с тем, что так называемые естественные, натуральные функции реализуются с помощью прямых связей (А-В). Уже на уровне простейших рефлексов мы встречаемся с многозвенными преобразованиями сенсорных сигналов в двигательные ответы, где каждое звено находится под контролем различных уровней центральной нервной системы. По-

видимому, такое опосредование является общим принципом функционирования живых систем, в каком бы аспекте мы их ни рассматривали. Специфика опосредования определяется не столько структурой межэлементных связей (эти структуры могут оказаться одинаковыми как в физиологическом, так и психологическом планах и даже ничем не отличаться от связей в неживых системах!), сколько природой опосредующего элемента.

Далее, если рассматривать не одно отдельно взятое действие или операцию, а, как это более характерно для живого процесса, последовательность или систему действий, реализующих определенную цель, то можно заметить, что между действиями, их элементами существуют самые разнообразные связи и отношения, в которых треугольное опосредование выступает как частный случай многосвязной системы со сложными иерархиями опосредований. Иногда бывает трудно установить, что в этом множестве является опосредуемым, а что - опосредующим, какую связь считать непосредственной (прямой), а какую - опосредованной. А когда это все же удастся сделать, то даже, например, самые простые высказывания из 4-6 слов превращаются в громоздкую логическую структуру, которая, тем не менее, выглядит очень неправдоподобно. Это хорошо видно на примере моделей семантических сетей, используемых в работах по искусственному интеллекту и исследованиях когнитивных психологов. Фигуры опосредований, которые встречаются в реальной деятельности индивида - от практически-конкретной до теоретически-абстрактной, - могут быть самыми разнообразными, как треугольными, так и многоугольными, и не только плоскостными, но и стереометричными, например, в виде объемных кристаллов. Наиболее знакомой из них является так называемое логическое дерево. Известны также фигуры силлогизмов, лежащих в основе формально-логического мышления. Тем не менее, опосредование не является единственным и обязательным атрибутом действия во всех случаях жизни. Мы воспринимаем как нормальную деятельность ученого, который излагает свои соображения в виде системы логических доказательств. В то же время человека, целиком подчиняющего свое поведение предварительному логическому анализу, мы называем сухарем, педантом, синим чулком и другими презрительными словами. Героические поступки, мгновенно принимаемые решения, аффективные и эмоциональные переживания, экспромты, интуитивные догадки - все это примеры действий непосредственных, не только потому, что они совершаются без предварительных размышлений, а потому что в них нет того, что можно было бы считать медиатором, средством, тем опосредующим X, который вклинивается между замыслом и исполнением, задачей и ее решением. Берем на себя смелость утверждать, что чем развитие интеллект, тем больше он стремится обрести непосредственность. Она необходима для его нормального функционирования.

В категории непосредственного можно выделить две ее формы. Первая давно и хорошо известна; она генетически предшествует опосредованию. Это - то, что Л.С. Выготский называл натуральными психическими функциями: непосредственное запоминание, элементарные чувствования (ощущения, восприятия). Сюда же можно отнести частично и то, что в философии называется непосредственным знанием: чувственный опыт, чувственную интуицию, по крайней мере, если понимать их в смысле элементарных врожденных способностей. Другая форма непосредственного генетически следует после опосредования и развивается на его основе. Примером может служить интеллектуальная интуиция: являясь разновидностью непосредственного знания, она имеет своим источником не работу органов чувств (как в случае с чувственной интуицией), а деятельность ума, пользующегося некоторой системой понятий. Все виды автоматизации психических процессов (двигательных навыков, умственных операций) также образуют эту вторичную непосредственность, приобретенную в результате формирования и трансформации опосредованных действий. Между этими двумя формами непосредственного имеются не только генетические различия. Первичная непосредственность всегда индивидуальна, конкретна, единична как по форме, так и по содержанию; ее источником является элементарный чувственный опыт. Вторичная непосредственность, облаченная в такую же форму, имеет

своим источником разум, рациональное содержание которого может быть любой степени общности и абстрактности.

В идее опосредования, по Л.С. Выготскому, которая не столько несовершенна, сколько не завершена в своих оперативных аспектах, нет места для вторичной непосредственности, свойственной высоко развитому интеллекту. Это объясняется, отчасти, неудачной моделью опосредования. Последнее представлено в ней как специфическая структура связей между элементами (рис. 1), а не как функция, реализуемая различными структурами связей. Поэтому, если из треугольника АХВ убрать опосредующий элемент Х (неважно, в каком виде – внешнего стимула или его внутреннего эквивалента), то в нем ничего не останется, кроме первоначальной натуральной связи А-В. Вспомогательные стимулы, выполняющие роль внешнего или внутреннего медиатора действия всегда должны присутствовать в нем, чтобы из разряда искусственных, опосредованных, высших не перейти в разряд натуральных, прямых (= непосредственных?), элементарных. Но это противоречит как житейскому, так и научному опыту формирования умственных действий. Правда, в последнем случае мы находим скорее намеки, чем прямые утверждения, что, по-видимому, объясняется боязнью оторваться от генетических корней психики, ее вечной социально-культурной детерминации. Например, в работах П.Я. Гальперина можно встретить явно не акцентируемую и далее не развиваемую мысль о том, что сокращение и автоматизация умственного действия позволяют непосредственно переходить от наличных раздражителей к результату этого действия. "И последний выступает перед нами сразу как одновременно данная система-образ" [4, с.425]. А вот пример из разряда житейских. Если спросить вас, сколько будет 9 x 8, вы сразу же дадите правильный (или гораздо реже – неправильный) ответ, не производя при этом никакого опосредования; это – непосредственное воспроизведение, которое было специальным опосредованным действием в вашем далеком прошлом.

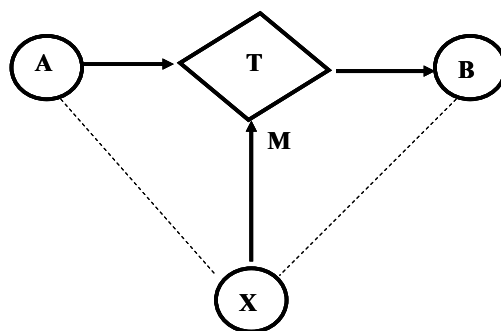


Рис.2. Модификация фигуры опосредования, учитывающая многозначность «прямой» связи А - В

Функцию опосредования и возможность превращения его в непосредственное действие можно представить в виде другой модели, показанной на рис. 2. Прямая (непосредственная) связь А-В реализуется здесь последовательной цепочкой с одной или несколькими промежуточными инстанциями (Т). Функцию опосредования выполняет элемент Х, который, воздействуя на промежуточную инстанцию, определяет конкретное отношение между А и В. Состояние промежуточной инстанции, сформированное при посредстве Х и обеспечивающее заданные параметры действия, запоминается и становится независимым от отсутствия или наличия Х. Поэтому функция Х со временем может быть опущена без всякого ущерба для сформированного действия; она перешла в структуру промежуточной инстанции, превратилась в механизм реализации действия, уже не нуждающегося в посредничестве Х. В этой модели есть еще одна отличительная черта: в ней отсутствуют связи А-Х и Х-В; во всяком случае они не обязательны. Это значит, что сам по себе элемент Х может не иметь никакого отношения ни к А, ни к В; свою опосредующую функцию он приобретает только в реальном действии, становясь одним из свойств последнего,

так же как ими становятся А и В. В примере Л.С. Выготского завязывание узелка на платке становится "узлом на память" только в специальном мнемическом действии; в других ситуациях оно имеет совсем иной смысл. Не случайно Л.С. Выготский специально отметил тот факт, что вспомогательный стимул (медиатор) не сразу выступает для ребенка как средство реализации действия; вначале он видит в нем самостоятельный предмет, отвлекающий его от основной задачи [3, с.69]. Приобретение элементом X функции опосредования, так же как и ее утрата, – это вехи соответственно начального и конечного этапов формирования действия. Такая самостоятельность элемента X, его лишь возможная способность влиять на процесс реализации действия, есть то, что существенно отличает его от промежуточной инстанции Т, которая является неотъемлемой деталью исполнительного механизма действия.

Замкнутый и бесконечный цикл развития от непосредственных форм психики к опосредствованным и от последних – к вторично непосредственным представляется для нас несомненным фактом, который еще предстоит исследовать более подробно¹. Хотелось бы только отметить, что это не просто любопытный факт. Успешный на первых порах опыт создания квазиинтеллектуальных устройств на базе компьютерной техники показывает, что развитие систем представления знаний только в рамках идеи логического опосредования заходит в тупик по мере увеличения объема баз данных. Опосредование становится бесконечным и необозримым, им невозможно оперировать разумно и эффективно, исключая там, где это необходимо, "лишние" и "весьма далекие" от конкретных условий опосредования. Простейшие и очевидные знания, представленные в такой системе, становятся неузнаваемыми и труднодоступными. По-видимому, снятие опосредования и переход к вторичной непосредственности является необходимым этапом развития интеллекта, на котором бесконечные и громоздкие цепочки опосредований заключаются в новую форму, удобную для оперирования приобретенным знанием. Вопрос о формах вторичной непосредственности требует специального рассмотрения, выходящего за рамки данного обсуждения. Возвращаясь к тезису Д. Верча об опосредованности действия медиаторами и резюмируя сказанное по этому поводу, нам хотелось бы подчеркнуть, что опосредование не является абсолютным атрибутом интеллектуального действия. Опосредование необходимо при передаче знаний (индивиду от общества и обществу от индивида); функционирование знания в системе опыта индивида есть процесс непосредственный, подчиняющийся другим правилам, по сравнению с действующими на стадии формирования.

Сторонники генетического метода постоянно подчеркивают, что психику нельзя понять и изучать вне ее истории, как видовой, так и индивидуальной, а сама история при этом рассматривается как история создания орудий, средств деятельности. Это безусловно так, но лишь в определенном контексте исследования деятельности и ее развития. Исторический этап - это лишь эпизод жизни; она имеет и настоящее, смысл которого образуется не только обращением к ретроспективе, но и устремлением в перспективу. А в самом настоящем есть то, чего раньше никогда не было и что лишь частично перейдет в будущее. Ясно, что полная картина динамики живого действия раскрывается в трех непрерывно переходящих друг в друга его временных аспектах - становления, функционирования и экстраполяции. Роль медиаторов здесь далеко не одинакова и не всегда они необходимы. Но это уже тема для другого разговора.

4. *Происхождение медиаторов как средств деятельности обусловлено прежде всего социальными факторами.* В поддержку этого тезиса Верч приводит высказывание А.Р. Лурия: "...чтобы объяснить наиболее сложные формы человеческого сознания, нам

¹ До сих пор этот факт привлекал к себе лишь внимание философов. Наиболее интересна здесь позиция Гегеля: "Я это знаю непосредственно, и, однако, я узнал это лишь благодаря учению и убежден через посредство доказательства" (цит. по [1], с. 87). И еще: "...То, что мы в настоящее время знаем непосредственно, есть результат бесчисленного множества опосредований" (там же).

надо выйти за пределы человеческого организма. Источники сознательной деятельности... следует искать не в тайниках человеческого мозга и не в глубинах духа, но во внешних условиях жизни." (Обратите внимание, что речь идет о сознании, а не о запрещенном понятии разума). Д. Верч приводит интересные факты из современной жизни, подтверждающие справедливость такой позиции. Вместе с тем, он отмечает, что медиаторы часто возникают в ответ на требования индивидуальной деятельности (примеры с ходьбой паркинсоников по листочкам бумаги, цветных карточек с запрещенными цветами и т.п.), и все же решающая роль в их формировании принадлежит различным социальным факторам. Думается, что, "выходя за пределы человеческого организма", не следует уходить от него очень далеко и самое главное – не забыть к нему вернуться, особенно если вы - психолог. Нет социальных медиаторов, которые не были бы созданы в индивидуальной деятельности. Это относится и к медиаторам, создаваемым в ответ на социальный запрос (см. примеры с различными типами клавиатуры для пишущих машинок в гл. 2). Общество может только затребовать тот или иной медиатор. Эта потребность должна быть отражена в индивидуальном разуме и реализована в деятельности индивида или группы индивидов. А это значит, что социально затребованный медиатор будет непосредственным продуктом индивидуальной деятельности и поэтому так или иначе отражать ее специфику. Социальное происхождение имеет не медиатор, а потребность, мотивирующая деятельность индивида к созданию такого медиатора. Социальную природу медиаторов следует понимать в том смысле, на который указывал К. Маркс: человек застает их уже в готовом виде, поскольку они были созданы в деятельности других людей. Но это не значит, что применяя эти средства в своей деятельности, человек, адаптируясь к ним, не адаптирует их к себе.

В этом отношении наиболее показательным является язык как семиотический медиатор деятельности. В отличие от таких внешних средств, как орудия труда, которые или почти не нуждаются в модификации (молоток, рубанок, зубило и т.п.) или поддаются ей с большим трудом, требуя затрат коллективного труда, язык легко адаптируем к индивидуальной психике. Это хорошо видно на примере детей, овладевающих речью. Многие из них модифицируют слова до неузнаваемости, но отнюдь не в силу дефектов или незрелости голосового аппарата. Например, один 3-летний мальчик говорит: "капетик" (пакетик), "кофента" (конфета), "скусно" (вкусно) и т.д. Перестановки, замена и добавление букв, образование новых форм ("давает", вместо дает) – наиболее типичные "приемы" модификации слов. М. Бахтин также отмечал, что момент присвоения слова предполагает его адаптацию к психике индивида (гл. 2). Все это свидетельствует о том, что медиаторы – не столько готовые социальные средства, сколько реакция на комплекс социальных факторов, как говорит Д. Верч, или, точнее – результирующий вектор индивидуально-социальных взаимодействий. Д. Верч приводит прекрасные иллюстрации этих важных положений. Вместе с тем, у него можно встретить и такие утверждения: "...медиаторы вообще не являются продуктом сознательного конструирования", или "медиаторы часто возникают в ответ на требования, иные, чем требования интра- или интерпсихического функционирования" (гл. 2). Здесь проявляется радикальность социокультурного подхода, склонного рассматривать индивидуально-социальные взаимодействия только с точки зрения воздействия социальной среды на индивида (его социализации). Вопрос о соответствии медиаторов требованиям индивидуальной деятельности не исчерпывается теми примерами, которые приводит Д. Верч, и не заслуживает "упоминания вскользь", в отличие от приоритетного вопроса об их социальной природе. В практике повседневной трудовой деятельности человека, в создании квазиинтеллектуальных систем первый вопрос оказывается намного важнее и актуальнее, чем второй, который чаще всего поднимается лишь в академических дискуссиях.

* * *

Хотя рассмотренные выше тезисы составляют методологическую основу социокультурного подхода, разделяемого Д. Верчем, главное содержание его книги посвящено

конкретному применению "классической" концепции к анализу одной из типичных ситуаций, возникающих в школьном обучении. Этот анализ построен на принципе множественности медиаторов, обслуживающих одну и ту же деятельность. В связи с этим Д. Верч приводит аналогию с инструментальным набором, используемым для выполнения различных трудовых операций. Как раз этот пункт связывает теорию Л.С. Выготского, который также указывал на разнообразие возможных средств деятельности, с транслингвистикой М.М. Бахтина. Интересно, что один и другой, будучи современниками и почти одновременно достигшие апогея своего творчества, никогда не ссылались друг на друга, по-видимому, не подозревая о том, что с разных сторон они идут к одной цели. Созревший во времени коллективный разум (школы Л.С. Выготского и М.М. Бахтина) нашел свое выражение в разуме индивидуальном, и в работе Д. Верча предстал перед нами в своем новом аспекте. Это еще один конкретный пример прекрасной идеи М.М. Бахтина о вечности значений и смыслов, запечатленных в слове: однажды возникнув, они могут уходить из сферы разума, со временем возвращаясь в нее вновь, но уже обрастая новыми контекстами и порождая новые значения и смыслы. Д.Верч разделяет эту идею, обсуждая ее в контексте небуквальности значения и концепции Лотмана о двойной функции текста (Гл. 4).

Для Выготского речь была семиотическим средством деятельности. Для Бахтина речь была живым языком (ср. с "живым движением", о котором говорил Н.А. Бернштейн), "говорящим сознанием" (у Бахтина еще нет дифференциации сознания и разума), а не предметом абстрактной лингвистики. То, что в одном контексте (у Выготского) выступает как средство, в другом (у Бахтина) разворачивается как живая деятельность. О таких взаимных превращениях говорил А.Н. Леонтьев, рассматривая относительность понятий операция и действие. И это – не хитрость разума (в смысле Гегеля), не спекулятивные манипуляции аналитической процедуры, а действительные свойства того и другого. Но эти свойства открываются разуму лишь тогда, когда и средства, и деятельность рассматриваются в их живом функционировании, а не как абстрактные и самостоятельные сущности.

Идея Д. Верча о множественности медиаторов или инструментальном наборе, находит свое конкретное выражение в бахтинской концепции речевых форм. Примерами таких форм являются национальные и социальные языки, речевые жанры и т.д. Существенными свойствами различных форм (видов) речи являются: ее изначальная (первичная) диалогичность, многоголосие (полифоничность), обращенность к кому-то (на себя или другому реальному или воображаемому лицу). Обо всем этом подробно говорится в Гл. 3. Заметим, что эти свойства, только в другом своем выражении, характеризуют и любую другую, не только речевую, деятельность: диалогичность эквивалента изначальной социальной обусловленности деятельности, полифоничность – разнообразному оперативному составу деятельности, обращенность - ее предметной направленности.

Множественность медиаторов как потенциальных средств деятельности влечет за собой два вопроса, подробно рассматриваемых Д. Верчем: 1) В чем состоит различие между медиаторами? 2) Чем определяется выбор конкретного медиатора в данной деятельности? Что касается первого вопроса, то Д. Верч рассматривает только тот аспект гетерогенности медиаторов, который связан с их историей происхождения (понятия генетической и негенетической иерархии, гл. 5). Другой аспект, относящийся к функциональной гетерогенности, разнообразию материального воплощения и форм (например, внешней и внутренней с их собственной гетерогенностью) медиаторов затронут лишь частично и скорее имплицитно в связи с рассмотрением различных видов речи и форм высказываний (по М. Бахтину). Второму вопросу посвящен не только теоретический анализ проблемы (критика "метафоры обладания способностью", лежащей в основе традиционных процедур диагностики интеллектуального развития), но и блестящее экспериментальное исследование динамики речевого общения в условиях школьного (формального, по Д. Верчу) обучения. Это позволило выделить два фактора, определяющих выбор конкретного медиатора в данной деятельности: преимущество того или иного речевого жанра перед другим и авторитетность одного вида языка по сравнению с другим (например научного язы-

ка по сравнению с разговорным). Оба фактора не являются имманентными свойствами речи, они имеют глубинные корни, прорастающие в долгой истории человеческого общения с его вековыми традициями, групповыми приоритетами, – всем тем, что формирует предрасположенность индивида (его психологическую установку) к определенному виду поведения, в том числе и к определенным способам его речевого выражения. Это опять-таки социальные факторы, затрагивающие живую речь, а не ее лингвистический препарат.

И, наконец, последнее соображение, относящееся к концепции М. Бахтина, целиком разделяемой Д. Верчем. Оно аналогично тому, которое мы высказывали по поводу опосредованности психики (в том числе и отдельного действия). Говоря об изначальной диалогичности и многоголосии речи, М. Бахтин чаще всего имеет в виду конкретное высказывание индивида. Это и понятно, потому что живую речь нельзя представить себе в отрыве от того, кто ее высказывает. Но здесь есть момент незавершенности анализа, характерный, впрочем, для любого индивидуального разума и преодолеваемый только временем, необходимым для того, чтобы индивидуальный и коллективный разум созрели для взаимного проникновения. Эта незавершенность имеет отношение к психологической сфере, к тому как указанные свойства речи представлены в психике субъекта и представлены ли они там вообще.

Дело в том, что бахтинские атрибуты речи, так же как и опосредованная природа действия, не даны в ней непосредственно. Они открываются индивидуальному разуму (далеко не каждому, а только профессиональному) в результате аналитической реконструкции внутреннего опыта, в котором, безусловно, содержится и часть опыта коллективного. А если такой реконструкции не было, что как раз и характерно для подавляющей части людей, как представлена речь в их индивидуальном опыте? Едва ли кто-нибудь будет возражать против того, что речь субъекта – это прежде всего "моя" речь, которая монологична и моногласна, несмотря на то, что употребляемые "мною" слова придуманы другими. Внутренняя речь потому и отличается (не только по своему назначению, но и по своему строению) от внешней, что она – речь "моя" и "для меня", а не для других. Фактор личной принадлежности речи – это действительно психологическая реальность, не менее важная, чем фактор социокультурной обусловленности, который открывается только в исторической ретроспективе и образует скорее концептуальный контекст деятельности, чем ее непосредственное содержание. Диалектика живой речи заключается в том, что те ее свойства, о которых говорил М. Бахтин, как бы исчезают в субъекте деятельности и воссоздаются в продукте последней, но не автоматически и в полном объеме, а ограничено и в зависимости от многих обстоятельств. Такая регенерация – необходимое условие обогащения и развития речи.

Литература:

1. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. - М: Мысль, 1965. – 312 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т.1. – М.: «Педагогика», 1982. – 488 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т.6. – М.: «Педагогика», 1982. – 398 с.
4. Гальперин П.Я. О методе поэтапного формирования умственных действий // Вопросы психологии, 1969, №1

Поступила в редакцию 30.10.2008 г.

Сведения об авторе

А.И. Назаров – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна».

E-mail: koval39@inbox.ru